

точно описывает морфологию горизонтальных связей и роль цифровых технологий, но часто упускает содержательное измерение совместной деятельности. Теория практик (П. Бурдье, Т. Шатцки) позволяет увидеть материальность и воспроизводимость досуговых паттернов, но испытывает трудности с концептуализацией инновации и возникновения новых форм.

Интегративный подход, предложенный в данной статье, синтезирует продуктивные элементы перечисленных парадигм, акцентируя четыре конститутивных признака феномена: коллективность, добровольность, автономность и досуговый характер. Такая рамка позволяет преодолеть дисциплинарную фрагментацию и предложить операциональное определение, применимое для эмпирической верификации.

Выводы:

1. Самоорганизованные досуговые практики городской молодежи представляют собой значимый объект социологического анализа, находящийся на пересечении урбанистики, социологии досуга и молодежных исследований. Их изучение требует преодоления терминологической неопределенности и разработки интегративной теоретической рамки.

2. Предложенное операциональное определение, основанное на четырех конститутивных признаках (коллективность, добровольность, автономность, досуговый характер), позволяет эмпирически идентифицировать данные практики и отличать их от смежных феноменов – формальных досуговых институтов, политического активизма, коммерческих развлекательных сервисов.

3. Многомерная типология, учитывающая функциональную направленность, степень институционализации, пространственную локализацию и социально-демографический профиль участников, структурирует эмпирическое многообразие практик и создает основу для сравнительных исследований.

4. Дальнейшее исследование самоорганизованных досуговых практик имеет потенциал для развития проблематики социальной структуры, альтернативных институтов социализации и трансформации коллективного действия в условиях цифровизации и индивидуализации.

Список литературы:

1. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Вирт Л. Избранное: урбанизм и социальная теория. М.: РОССПЭН, 2018. С. 45–78.
2. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.
3. Schatzki T.R. Social Change in a Material World. London: Routledge, 2019. 198 p.

С.В. Егорова, Самарский университет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О ПОЖИЛЫХ ЛЮДЯХ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена анализу социальных представлений молодежи о пожилых людях. На основе качественных данных двух фокус-групп с участием молодых людей в возрасте 18–21 года реконструируются основные понятия, описывающие старость: дистанцированность, амбивалентность, ресурсная угроза, патернализм и доброжелательный эйджизм. Выявлено, что

в обыденном сознании молодых людей сосуществуют установки межпоколенческой солидарности и эйджистские стереотипы.

Ключевые слова: эйджизм, социальные представления, молодежь, пожилые люди, фокус-группа, межпоколенческие отношения.

S.V. Egorova, Samara University

SOCIAL REPRESENTATIONS OF YOUTH ABOUT THE ELDERLY: QUALITATIVE ANALYSIS EXPERIENCE

The article is devoted to the analysis of young people's social perceptions of the elderly. Based on the qualitative data of two focus groups involving young people aged 18–21, the main concepts describing old age are reconstructed: distance, ambivalence, resource threat, paternalism, and benevolent ageism. It is revealed that in the everyday consciousness of young people, intergenerational solidarity attitudes and ageist stereotypes coexist.

Keywords: ageism, social attitudes, young people, older people, focus group, intergenerational relations.

В условиях демографического старения и трансформации межпоколенческих связей проблема восприятия старости молодым поколением приобретает не только академическую, но и социальную значимость. Эйджизм, как дискриминация по возрастному признаку, остается одним из наименее рефлекслируемых форм предрассудков в российском обществе. Возрастная дискриминация в отношении пожилых людей зачастую воспринимается как естественная реакция на их физиологические и когнитивные изменения.

Социальные представления молодежи не просто отражают реальность, а организуют восприятие, направляют поведение и помогают группе адаптироваться к социальному миру. Применительно к возрасту они определяют не только стереотипы, но и практики взаимодействия с пожилыми людьми.

Теоретическими рамками исследования выступила теория социальных представлений С. Московичи и интеракционистский подход Г. Блумера. Теория социальных представлений позволяет рассматривать образ пожилого человека как результат коллективного конструирования, в котором переплетаются научные, идеологические и обыденные знания [1]. Интеракционистский подход Г. Блумера акцентирует внимание на том, как в повседневном взаимодействии конструируется значение возраста [2]. Для нас важно, как молодежь интерпретирует конкретные ситуации столкновения с пожилыми людьми в транспорте, в семье, на улице и пр., и какие смыслы приписывает их поведению.

Научные исследования фиксируют амбивалентность образов старости в сознании молодежи: от патерналистского сочувствия до раздражения и обвинений в избыточном потреблении ресурсов [3]. При этом количественные опросы не всегда позволяют уловить сложные механизмы, лежащие в основе возрастной предвзятости. В связи с этим метод фокус-групп становится оптимальным инструментом для выявления коллективных смыслов, групповых норм и латентных установок.

Целью настоящего исследования является реконструкция социальных представлений молодежи о пожилых людях на основе качественного анализа. Эмпирической базой выступили данные двух фокус-групп, проведенных в марте 2026 года в г. Самара. Общая численность участников составила 16 человек (8 девушек, 8 юношей) в возрасте от 18 до 21 года. Критерии отбора: студенческая молодежь, наличие регулярного контакта с пожилыми людьми. Фокус-группы проводились в очном формате по заранее разработанному гайду, включавшему следующие тематические блоки: ассоциации и стереотипы, межпоколенческое взаимодействие, ресурсы и угрозы, патернализм и эйджизм. Длительность каждой фокус-группы составляла 120 минут.

Анализ транскриптов позволил выделить четыре ключевых тематических кластера, описывающих структуру социальных представлений молодежи о пожилых людях: дистанцированность, амбивалентность, ресурсную угрозу, патернализм и доброжелательный эйджизм.

Как показал анализ, в обеих группах участники проводили четкую границу между «нами» – молодежь и «ими» – пожилые люди. Пожилые люди описывались участниками как носители иного культурного кода: «...советское прошлое» (м., 19 л.), «у них другие ценности» (ж., 20 л.), «они не понимают интернет и современную жизнь» (ж., 18 л.). Молодые люди акцентировали внимание не столько на биологическом возрасте, сколько на символической несовместимости. Характерно использование участниками фокус-групп метафор: «они остались в прошлом веке» (м., 19 л.), «мы живем в параллельных вселенных» (ж., 19 л.). При этом наличие личного опыта общения с собственными родственниками: бабушками и дедушками смягчало категоричность суждений информантов, но не отменяло саму ситуацию дистанцирования от пожилых людей. Участники опроса подчеркивали: «свои бабушки – это исключение, они другие, а в целом старики такие...» (ж., 21 г.). Это подтверждает механизм, описанный в теории социальной идентичности, при котором позитивная оценка «своей» группы сочетается с негативной оценкой «чужой».

Анализ транскриптов свидетельствует о ярко выраженной эмоциональной двойственности суждений информантов. С одной стороны, участники фокус-групп декларировали уважение к старшим и пожилым людям, ссылались на нормативные требования: «да, старших надо уважать» (м., 19 л.). С другой стороны, в ситуациях, моделирующих конкретные случаи (очередь в поликлинике, нахождение в транспорте, громкие разговоры и пр.) возникали выражения раздражения и даже агрессии: «они (прим.: пожилые люди), реально бесят, все делают медленно, часто мешают» (ж., 19 л.). Один из участников фокус-группы заметил: «я понимаю, что это неправильно, но когда передо мной кто-то медленно идет, особенно если это пожилой, меня просто бесит. Потом мне становится стыдно, но первая реакция – злость» (м., 18 л.). Эта цитата иллюстрирует конфликт между нормой и спонтанным эмоциональным откликом, что указывает на латентность эйджистских установок.

Согласно результатам исследования, наиболее чувствительной стала тема распределения ресурсов. В обсуждении выплат пенсионерам, бюджетных расходов на медицину и социальные льготы проявился дискурс «несправедливости». Большинство участников высказывали мнение, что «пожилые люди получают слишком много льгот, а молодежь вынуждена их содержать» (ж., 21 г.); «у них и пенсия, и пособия, и жилье у них уже есть, а мы на все это налоги платим» (м., 20 л.). Стоит отметить, что эти высказывания сочетались с незнанием фактических объемов социальных расходов. Образ «пожилого – нахлебника»

конструировался скорее как медийный стереотип, чем как результат личного финансового анализа. Треть участников фокус-групп, имеющих пожилых родственников, возражали против такого упрощения, но не могли полностью его опровергнуть, апеллируя к личному опыту: *«мои бабушка и дедушка всю жизнь работали, они заслужили пенсию, но я понимаю, о чем говорят другие»* (ж., 19 л.).

Как показал анализ, наиболее распространенной формой отношения к пожилым людям оказался патернализм и доброжелательный эйджизм. Большинство информантов отмечали ведущую роль государства и общества в уходе за пожилыми людьми: *«государство конечно должно им помогать»* (м., 21 г.), *«заботиться о них надо»* (ж., 19 л.), *«общество должно создавать условия для комфортной старости»* (ж., 18 л.). Пожилые люди описывались участниками фокус-групп, как заведомо уязвимые, немощные, неспособные принимать самостоятельные решения. В одной из групп возникла дискуссия о том, нужно ли ограничивать пожилых в управлении автомобилем или пользоваться сложными финансовыми инструментами: *«а как они управляют машинами, какой хаос создают на дорогах, они мешают нормальному движению?»* (м., 21 г.); *«я вообще считаю, что онлайн оплаты, самостоятельные денежные переводы не для них, ходили они в банк с квитанциями, пусть и дальше так делают»* (ж., 20 л.).

Стоит заметить, что попытки модератора задать вопрос: «А что, если пожилой человек сам хочет работать, водить машину, распоряжаться собственными крупными суммами?» вызывал замешательство у участников фокус-групп. Большинство участников впервые задумались о том, что патернализм может быть формой дискриминации. Один из информантов резюмировал: *«мы почему-то считаем, что имеем право решать за них, даже когда мы хотим сделать как лучше им»* (м., 19 л.). Полученные качественные данные подтверждают выводы зарубежных и отечественных исследователей о сложной структуре возрастных стереотипов.

Проведенное фокус-групповое исследование позволило реконструировать структуру социальных представлений молодежи о пожилых людях. В сознании молодежи сосуществуют взаимно противоречивые элементы: уважение к пожилым людям и раздражение; декларация солидарности и восприятие пожилых людей как бремени и ресурсной угрозы; патерналистская забота и символическое исключение. Стоит отметить, что эйджизм по отношению к пожилым людям в молодежной среде принимает доброжелательные формы. В обыденном сознании молодых людей сосуществуют установки межпоколенческой солидарности и эйджистские стереотипы.

Список литературы

1. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, №2. С. 3–14.
2. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб: «Алетейя», 1999. 261 с.
3. Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.